

В. Хлебников – критик: несколько слов о критической эссеистике В. Хлебникова

V. Chlebnikov as a Critic: a Few Words on V. Chlebnikov's Critical Essays

Luca Cortesi, Università Ca' Foscari di Venezia, luca.cortesi@unive.it

Аннотация. Статья посвящена опыту критической прозы В. Хлебникова (1885 – 1922), который является одним из самых известных писателей русского авангарда. Известно, что с самого начала изучения его литературной деятельности, внимание специалистов и хлебниковедов более всего сосредоточилось на его поэтических произведениях, особенно в рамках словотворчества и способов развития его поэтики. Из этого круга тем, выделяются некоторые внелитературные аспекты творчества Хлебникова. Несмотря на то, что его прозаические произведения – в большей степени тексты, входящие в число “нехудожественной” прозы – остаются относительно в тени, можно выделить некоторые темы, которые требуют более тщательного изучения. Среди них немаловажная роль в его литературной деятельности отводится критической прозе. На основе анализа критических статей В. Хлебникова, автором предлагается не только набросать портрет писателя в качестве критика-эссеиста, но и выделить их композиционные аспекты и исторический контекст.

Abstract. This article is devoted to the critical prose in the *oeuvre* of Velimir Chlebnikov (1885 – 1922), one of the most renowned poets of the Russian avant-garde. Ever since he was alive, the attention of criticism has focused on the wide variety of features characterising his oeuvre, above all *slovotvorčestvo* and the peculiarities of his poetic language. From this range of literary elements, several non-strictly textual aspects of Chlebnikov's works stand out. Even though his prose works – and, above all, those works that belong to the category of the so-called “non-artistic” prose – remained relatively in the dark, there are still some topics which would require a detailed study. Among them the crucial role that critical prose played in his literary career is prominent. With a focus on the analysis of V. Chlebnikov's critical articles, the aim of this paper is not only to sketch a portrait of the poet as a critic-essayist, but also to highlight the structural aspects and the historical context of the works that are taken into account.

Ключевые слова: Велимир Хлебников; нехудожественная проза; критика; эссе;

Keywords: Velimir Chlebnikov; Non-artistic Prose; Literary Criticism; Essay.

Введение

Цель этой статьи – исследовать роль, которую играет литературная критика в творчестве Велимира Хлебникова, и поэтому в нашем анализе сосредоточимся на способах, использованных автором для того, чтобы отразить более или менее ясно его позицию в качестве критика.

Можно сказать, что опыт литературной критики занимает место абсолютного меньшинства в совокупности хлебниковского творчества. Критические эссе Велимира Хлебникова можно буквально “перечесать по пальцам”: пять произведений в целом, два из которых являются незавершенными. Эти произведения разбросаны по всему периоду литературной деятельности Хлебникова: *О Леониде Андрееве*, 1909; *Фрагменты о фамилиях*, 1909; *Песни 13 весен*, 1912-1913; *О современной поэзии*, 1919; *Послесловие к стихам Федорого Богородского*, 1922.

Как очевидно из некоторых заглавий, доминирующей тематикой этих произведений, естественно, является литературная критика, которую Хлебников демонстрирует комментариями к произведениям других авторов, занимая позицию за или против определенного писателя. Несмотря на скудное число текстов такого жанра, анализ тех

способов, которыми Хлебников выражал свое отношение к литературным явлениям, современным ему, и как он сам по этому поводу высказывался, на наш взгляд становится особо важным, учитывая, что данный аспект творчества поэта никогда не был затронут специалистами.

В этой перспективе, изучение данной группы текстов является особо значительным не только для того, чтобы выявить аспект практики эссеистики, с которой Хлебников действительно померился своими силами, а более всего потому, что учитывая деятельность того писателя, который одновременно является критиком и автором эссе, и те рассуждения, комментарии или оценки о стиле и о литературной истории, и те рапсодические “развлечения” по темам другого рода, направлены на другие тексты и авторов, приобретают особую ценность и, что касается индивидуальной истории, и, чтобы попытаться понять сущность художественных произведений этого писателя. На самом деле, как подсказывает Биаджини, поэт (или писатель), пишущий или раздумывающий над чужими произведениями, маловероятно может избежать рассуждений о самом себе (Biagini: 2012, 38).

Чтобы завершить ряд этих предварительных замечаний, важно привести положение Берардинелли о критике-эссеистике литературной тематики вообще, которое на наш взгляд можно применить к случаю Хлебникова: эта часть творчества является литературной критикой эссеистического рода в самых разных формах и с самыми разными целями, и несмотря на это, она является эссеистикой потому, что она никогда не держит в тени, не оставляет невысказанным, ни свое положение, ни проблематичность своей точки зрения (Berardinelli: 2002, 29).

Что касается стиля, кажется, что Хлебников никогда не отказывается от своего критического взгляда. Заимствуя формулу, принятую Депретто к некоторым произведениям К. Чуковского, можно утверждать, что в некоторых эссе позднего периода поэт как бы требует прав на субъективизм, на импрессионизм, и даже на “развлечение” (Depretto: 1989, 289)

Предлагаем краткий обзор хлебниковских произведений этого рода, представленных в хронологическом порядке создания текста. Таким образом, попытаемся осветить особенности стиля и риторики, которые, по нашему мнению, делают эти тексты достойными внимания. В этой статье будут тщательно рассмотрены два эссе Хлебникова, принадлежащие раннему периоду его творчества: *О Леониде Андрееве* и *Фрагменты о фамилиях*.

Анализ текстов

О Леониде Андрееве приведено кураторами *Собрания Сочинений*¹ в качестве названия незавершенного критического памфлета, над которым Хлебников вероятно работал около 1909 г. По реконструкции Харджиева, в 1909 г. Хлебников начинает посещать Академию стиха, возглавляемую Вяч. Ивановым (Харджиев: 2006, 311-313). Датировка текста могла относиться к этому периоду, так как «Отношение символистов к творчеству Л. Андреева, соперничавшего в популярности с М. Горьким [...] было очевидно негативным (статьи и отзывы З. Гиппиус, Д. Мережковского, А. Блока и др. в журналах “Весы”, “Золотое руно”» (СС, VI.1, 364).

В этом полемическом наброске, Хлебников сильно критикует творчество Леонида Андреева. Важно напомнить, что в нехудожественной прозе вообще, Андреев оказывается адресатом неприязни Хлебникова, которая обнаруживается и в других произведениях довоенного периода, например в манифесте *Мы обвиняем старшие поколения...* (1912) и в таблицах в

¹ Далее издание упоминается аббревиатурой СС. Римскими цифрами указывается на том этого издания, арабскими – на странице.

конце диалога *Учитель и ученик* (1912). Хотя текст и остался незавершенным, возможно подчеркнуть некоторые риторические подходы, характеризующие композиционный процесс критической эссеистики Хлебникова.

Все, что осталось от текста, можно разделить на три части. Первая из них служит риторическому выступлению, и начинается *in medias res*:

Уж все журналисты прокричали, что Андреев - мировой писатель. «Прачки, стирая белье, убивают друг друга тонкостью вкуса, находя в произведениях Андреева сходство с картинами Гойя», – жаловался мне один мой приятель. Я не читал. Я не подслушиваю того, о чем разговаривают прачки (СС, VI.1, 31).

В этой части, в свою очередь, можно различить три разных риторических элемента: первые два из них, соответствующие первым двум, только внешне несвязанным фразам, решены третьим. Этот третий элемент состоит из двух фраз: «Я не читал [...] прачки». Здесь Хлебников продолжает анафору (я не / я не) и развивает эллипсис первой фразы во вторую, совсем другую фразу. Используя этот прием, автор ставит журналистов и прачек на один и тот же уровень.

В этом произведении, выделяется сложная игра слов, которую Хлебников выстраивает, чтобы унижить творчество Андреева:

Но все же, что такое Андреев?

Есть писатели «наоборот» (au rebours). Я не думаю, чтобы Л. Андреев был писателем «наоборот». Нет. Но не следует ли присоединиться к мысли – Л. Андреев сочинитель «шиворот-навыворот»? (СС, VI.1, 31).

Игра слов построена на упоминании термина “наоборот”, которое развивается в двух связанных образах: во-первых, используя написанную по-французски ремарку, автор ссылается на русский перевод заглавия известного романа Ж.К. Гюисманс, *À rebours*; во-вторых, когда Хлебников выражает свое сомнение в том, что Андреев - писатель “наоборот”, термин представлен в кавычках, чтобы отнести его к смыслу французского выражения (т.е. “против течения”). Таким образом, Хлебников ставит под сомнение и вдохновение, укрепленное французским образцом, и подход “против течения”, который характеризовал бы творчество Андреева. Хлебников заканчивает игру слов с помощью приема, являющегося и звуковым, и смысловым. Использование разговорного выражения пренебрежительного тона, каковым является “шиворот-навыворот”, входит в созвучие с предыдущим “наоборот”, и в заключение, каламбур решается произведенным сопоставлением двух значений, только внешне подобных: взаимосвязью между словом “наоборот” в метафорическом смысле, который автор поясняет в ремарке, и выражением “шиворот-навыворот”, которое описывает течение “идущее вспять”, или ход “против течения”, а в действительности, и что важнее всего, только в отрицательном смысле.

Автор продолжает унижение Андреева:

До сих пор думали, что за словами скрывается некоторое содержание. Писатель Леонид Андреев пришел и говорит: «Нет! За словами не скрывается никакого содержания». Ну что же, поверим. Думали, что слова обязывают. Писатель Леонид

Андреев говорит, что слова ничему никого не обязывают. И этому поверим (СС, VI.1, 31).

Текст памфлета здесь прерывается, и в СС, и в варианте *Неизданных Произведений* (461)². Однако, присутствующие элементы достаточны, чтобы догадаться не столько о том, каким могло бы быть заключение аргументации Хлебникова, сколько заметить, что структура, лежащая в основе этой части эссе является кульминацией. Автор воспроизводит постоянный и возбужденный словесный процесс, которого достигает использованием параллелизма симплоки: исключая начальное выражение времени (до сих пор), высказывания, составляющие следующее сложное предложение, повторяются в серии: анафора (думали, что); общее мнение (за словами скрывается и слова обязывают); опровержение Андреева; эпифора (поверим).

Читая незавершенный набросок критического памфлета *О Леониде Андрееве*, заметно большое внимание, которое автор обращает на форму текста, которая представляется важнее всего в синтаксическом распределении риторических элементов и использовании фонетических приемов.

Фрагменты о фамилиях – произведение, опубликованное впервые в критическом издании НП (425), в комментариях к поэме *Передо мной варился вар...*, где его определяют просто как “незаконченную статью”. Кураторы данного издания предполагали, что дата создания текста относилась к концу 1912 г. Однако, в силу содержания произведения, такое предположение опровергается в издании СС, где создание текста указывается более вероятно в 1909 г., когда Хлебников был еще близким к “Башне” Иванова (СС, VI.1, 364-365). Члены символического круга, к которым Хлебников питал наибольшее уважение, являются вне всяких сомнений самим Ивановым и М. Кузминым. В этом произведении Хлебников спорит именно о двух сочинениях этих авторов, соответственно *Тантал* (1905) и *Подвиги великого Александра* (1909). Текст представляется в короткой форме, и по этой причине определяется “критическим наброском” (СС, VI.1, 364).

Введение эссе начинается обсуждением имен собственных: «Имена собственные не называют дарования. Видимое исключение: Кузмин и Иванов...» (СС, VI.1, 32). Значение сразу опровергнутого положения ссылается на важнейший вопрос в эстетике молодого Хлебникова: вопрос об имени. Как заметил А. Шишкин (1996, 145), вопрос о номинации является основным аспектом не только поэтики Хлебникова, но и развития тождества самого поэта, который только после первой встречи с Вяч. Ивановым, начинает подписывать свои произведения псевдонимом “Велимир” (Шишкин: 1996, 145-148). Философско-эстетическое понятие об имени, которое, в силу очевидного античного происхождения, отражает общение автора с символистами, находит выражение не только в отношении Хлебникова к самому себе и к собственному литературному творчеству, но и проявляется в тех критических размышлениях, которые Хлебников адресует другим писателям.

На самом деле, по этому поводу Дуганов полагает, что значение, которое имя приобретает в хлебниковской поэтике, следует понимать в мифопоэтической перспективе: в этом особом случае, имя писателя «знаменует здесь не имя этого человека, а имя мира, созданного его творчеством», и в эстетике Хлебникова «имя писателя есть символ его мира, понимаемого как миф» (Дуганов: 1990, 101). Эстетизация имени передает замысел, который Дуганов определил как “ономатоморфный пейзаж”: как будто заклятие или колдовство, для Хлебникова «имя писателя – это имя мира, построенного из слов, это слово слов, имя имен» (Дуганов: 1990, 101). Мифологизация имени (собственного) явно проявляется в известном четверостишии

² Далее издание упоминается аббревиатурой НП.

этого периода, *О, Достоевский! идущей тучи...*, и возвращается позже в других произведениях.

Рассмотрим, например, отрывок из эссе *Закон поколений* (1914), который, хотя и в противоречии с началом *Фрагментов о фамилиях*, является очень близким ему тематически:

Конечно, Тютчев и Одоевский должны были родиться в одном году. На это указывает особая, более не встречающаяся, тайна имен. [...] Тютчеву и Одоевскому должно быть благодарными за одни их имена. Имена Тютчева и Одоевского, может быть, самое лучшее, что они оставили (СС, VI.1, 74).

Следует интерпретировать начало критического эссе именно с этой двойной точки зрения: символистский толк, проникающий в поэтику Хлебникова, и основное словесное мировоззрение. После вступительной части эссе, Хлебников предлагает собственную интерпретацию произведений двух символистов, характеризующихся общим “античным” вдохновением:

Вихрь силы вещи Иванова повествует о темном бессильном порыве, гордо отказывающемся от неправого счастья ради правого несчастья. Так как право есть корень счастья в будущем, то эта вещь повествует о русском несчастье, отказывающемся от счастья Европы или завешенного настоящего счастья внуков (СС, VI.1, 32).

Хлебников обсуждает пьесу Иванова *Тантал*. Но поэт не читает ее как переосмысление древнегреческой трагедии, а представляет повествование в русском контексте и развивает дихотомию на двух разных уровнях: во-первых правое / неправое счастье; во-вторых противопоставление русского несчастья и счастья Европы.

За кратким описанием *Тантала* Иванова следует изложение *Подвигов великого Александра Кузмина*:

Вещь Кузмина говорит о человеке-роке, в котором божественные черты переплетаются с человеческими. Она знаменует союз человека и рока и победу союзника над сиротливым, темным человеком. Она совпала с сильными личностями в Руси и написана пером времени, когда общечеловеческие истины искажены дыханием рока (СС, VI.1, 32).

Произведение Кузмина можно считать лжеисторической повестью, на которую влияли древние и современные истоки разного рода (Кузмин: 1984, II, 5-6), а Хлебников переносит и в этом случае темы сочинения Кузмина в современный контекст России.

В этом отрывке выделяется интерпретация превратностей судьбы Александра Македонского и, как символ союза между человеком и роком и, как победа второго над первым («союз человека и рока и победу союзника над сиротливым, темным человеком»). Хлебников ассоциирует данный символ со случаями “сильных личностей” Руси: противопоставляя русское несчастье и счастье Европы предыдущего абзаца с данным отрывком, становится заметным, что топоним (Русь), судя по всему, приобретает значение националистического толка.

Кроме этого, важно обратить внимание на использование языка фаталисто-метафорического рода, когда Хлебников описывает повесть Кузмина как будто бы она «написана пером времени, когда общечеловеческие истины искажены дыханием рока». Последняя фигура речи имеет правдоподобное националистическое направление. Завершает эссе настоящее критическое обсуждение: «Подчеркиваем, что эти вещи суть верхушки творчества именованных творцов, <олицетворяющих> безличную народную единицу» (СС, VI.1, 32).

В заключение текста, Хлебников впервые высказывается непосредственно в роли автора, пользуясь глаголом, спрягаемым в первом лице множественного числа; обнаруживается и архаизирующее использование третьего лица множественного числа глагола ‘быть’ (суть), вероятно с намерением возвысить стиль в заключительной части эссе, в связи с выражением уважения к Иванову и Кузмину. Хлебников возобновляет вступительную часть текста, и определяет эти два сочинения “верхушкой” творчества двух писателей, которых называет словом “творцы”, имеющим значение очень близкое к религиозной сфере. Их заслуга состоит в том, что они смогли, по мнению Хлебникова, воплотить и олицетворить ту «безличную народную единицу», которая является перифразой русского человека.

Заключение

Проанализировав эти тексты, обнаруживается, что критические эссе Хлебникова оказываются “контаминированными” некоторыми элементами, которые являются неотъемлемой частью декларативного жанра (как воззвания, манифесты и т. д.): имеются в виду ритмические прерывистости, часто повторяющиеся обращения к читателю, восклицания, риторические вопросы. Кроме этого, немаловажную роль играет склонность определять понятия как бы в аподиктической форме, и повторять их: тем самым, автору легко удастся подчеркнуть метафорический стиль этого жанра произведений.

Список литературы

- Дуганов Р.В. (1990) *Велимир Хлебников. Природа творчества*. Москва: Советский писатель.
- Кузмин, М. (1984), *Проза в девяти томах*, ред. и прим. В. Маркова, Berkeley: Berkeley Slavic Specialties.
- Харджиев Н. (2006) *От Маяковского до Крученых. Избранные работы о русском футуризме*, сост. С. Кудрявцев, Москва: Гилея.
- Хлебников В. (1940) *Неизданные произведения*, редакция и комментарии Н. Харджиева и Т. Грица. Москва.
- Хлебников В. (2000-2006). *Собрание сочинений в шести томах*. Под общей редакцией Р.В. Дуганова. Москва: ИМЛИ РАН.

Шишкин А. (1996) Велимир Хлебников на “Башне” Вячеслава Иванова, *Новое Литературное Обозрение* 17, с. 141-167.

Berardinelli A. (2002) *La forma del saggio. Definizione e attualità di un genere letterario*. Venezia: Marsilio.

Biagini E. (2012) *Saggio, “pensiero composito” e metaletteratura*, in Dolfi, A. (ed.), *La saggistica degli scrittori* (pp. 17-48), Roma: Bulzoni editore.

Depretto C. (1989) *Critica letteraria e storia della letteratura in Russia (fine XIX – inizio XX secolo)*, in *Storia della letteratura russa. Il Novecento. Vol. I. Dal decadentismo all'avanguardia* (pp. 277-293). Torino: Einaudi.